

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

Читайте новую книгу Виктории Платовой:

Что скрывают красные маки

А также другие книги в серии:

Такси для ангела

Хрустальная ловушка

Смерть на кончике хвоста

Ритуал последней брачной ночи

Победный ветер, ясный день

Битвы божьих коровок

Корабль призраков

Купель дьявола

Куколка для монстра

В тихом омуте

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**В тихом
омуте**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П37

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.

П37 В тихом омуте / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 672 с.

ISBN 978-5-04-182956-8

Могла ли подумать незаметная, тихая выпускница ВГИКа, которую даже друзья звали Мышью, что ее порносценарии, написанные ради «куска хлеба», вдруг обретут кошмарную реальность? Все в ее жизни становится с ног на голову — один за другим гибнут близкие ей люди, Мышь вынуждена скрываться. Но кольцо вокруг нее медленно, но верно сжимается. Выход только один — исчезнуть, залечь на дно и измениться. И вот серенькая Мышь «умирает», а вместо нее рождается восхитительная, пленительная, сводящая с ума всех Ева. Рождается, чтобы мстить... Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с существующими людьми случайно.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© **Виктория Платова, текст, 2017**
© **Оформление.**
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-182956-8

Все события и герои этого романа вымышлены, любое сходство с существующими людьми случайно.

Автор

Часть I

...Первым погиб Иван.

Первым из нас троих.

Это была безобидная, легкая, мальчишеская смерть на пятом курсе ВГИКа, перед госэкзаменом по сценарному мастерству.

Пьяный Иван вывалился из общежитского окна на шестнадцатом этаже, забубенный сценарист, грузин на свою лучшую четверть, ленивый красавчик, единственный, кто любил меня...

Нет, мы никогда не спали вместе, но все пять лет были соавторами.

«Ты моя лучшая половина, — говорил Иван, роскошный, всегда чужой любовник, переспавший с каждой второй мало-мальски приличной самочкой во ВГИКе. — Ты моя лучшая половина, Мышь. Твое циничное тельце и мой циничный умишко составляют совершенный самодостаточный организм...»

Он всегда называл меня Мышью, и я сильно подозревала, что это — производная от «серой мыши». Мое настоящее лицо, как же иначе. Но, находясь под защитой Ивана, я могла не беспокоиться о красоте приговоренных к пишущей машинке и потому вечно стриженных

ногтей; я могла не беспокоиться о своей дальнейшей судьбе — мне оставалось только интерпретировать его удивительные истории.

Байки, сюжеты и сюжеттики просто распирали Ивана — он был всего лишь на пять лет старше меня, но, казалось, прожил несколько жизней; это только со мной, унылой пай-девочкой, ничего такого не случилось, даже банального перелома ноги.

В фантазиях Ивана его родной пыльный Мариуполь предстал Чикаго тридцатых годов: там пили водку, курили анашу и кололись, там привозили какую-то диковинную контрабанду, там стреляли в ментов и друг в друга, там были стертые в кровь от поцелуев губы, там были двойные и тройные самоубийства и обязательное колесо обозрения в песках на берегу умирающего моря. «А, главное, кетчупа побольше, — говорил Иван о кровавых финалах, — а для полного кайфу заезжего пидора-интеллекта, профессора-орнитолога замочим».

Он правил мои рукописи (к пятому курсу он перестал делать это, к пятому я была почти он), дописывая шариковой ручкой им же изобретенные маты, невозможно смешные, вызывавшие почти судорожную зависть курса.

Его бабы меня ненавидели. У меня, Серой Мыши, было исключительное право стирать его джинсы. «Ли Купер» на болтах.

Все остальные меня не замечали. Я была всего лишь второй строкой во всех его умопомрачительных сценариях. Но я ни о чем не жалела. Я не пожалела ни о чем ни на секунду.

Я смотрела на мир его глазами — вернее, мужскими глазами на мужской мир. Я знала, какие сигареты лучше курить и какие зажигалки лучше покупать, я знала, как оттягивать кожицу на члене, когда занимаешься она-низмом, — поступательно-возвратными движениями; я знала, как уложить в постель любую женщину — мой взгляд на секс был сугубо мужским взглядом, циничным и зависимым от удовольствий одновременно.

...В конце третьего курса Иван приволок Нимотси.

Вообще-то Нимотси звали Игорь Истомин. «Нимотси» окрестил его Иван — Истомин наоборот. Но кличка удивительно шла Нимотси, тщедушному бело-брысому типу с глазами больной птицы.

— Гений режиссуры, — отрекомендовал его Иван, — будет наш сценарий снимать, «Умереть молодым» который.

...Умереть молодым.

У Ивана получилось. Он сильно удивился бы этой своей нелепой смерти — выпасть из окна, на котором устроился покурить, ха-ха, — если бы был трезв. Но он не был трезв, и сердце его остановилось между шестым и пятым этажами.

— Предал нас, сукин сын, — сказал Нимотси. И уехал в морг вместе с голым мертвым телом Ивана, небрежно брошенным на носилки.

Нимотси вернулся через два часа и нашел меня там, где и должен был найти. Но я этого уже не помнила. Я не помнила, как с ведром и тряпкой ползала по асфальту и смывала потемневшую кровь Ивана — чтобы собаки ее не вылизали. «Ты понимаешь?.. Если так все оставить, то

придут дворняги и вылизут всю его кровь... Его кровь, понимаешь? Его...»

Нимотси надавал мне по щекам, чтобы привести в чувство, — вполне по-мужски. Иван никогда не бил меня.

— Поедем, — мягко сказал Нимотси, — Он ждет.

— Никто. Никто не ждет.

— Он. Иван.

Сердце мое остановилось, в груди стало так невыносимо больно, что захотелось разом избавиться от этой боли. Я ударилась головой о плиты, которые еще помнили кровь Ивана.

Нимотси поднял меня и крепко сжал.

— Прощальная ночь... Прощальная ночь, слышишь? Ты, я и он. И больше никого. Он ждет...

...Никогда до этого я не была в морге — может быть, поэтому не испугалась: ни небрежной, полустертой таблички на металлических дверях, ни стен, выкрашенных грубой охрой, ни тусклых аварийных лампочек в сетках.

Я не испугалась, просто у меня не было сил, я присела на корточки у самой двери, хотя в двух шагах стояли три спаренных деревянных стула — как в дешевеньком кинотеатре.

— Я сейчас, — сказал Нимотси, уверенно двинулся по коридору и уверенно толкнул одну из дверей — третью от входа. Спустя минуту он появился с маленьким лысым человеком в грязном халате. Вдвоем они пошли в глубь коридора — долго, очень долго, — который раз за сегодняшнюю ночь я попыталась спрятаться за закрытыми дверями.